

Могло ли получиться? Очерк общественной истории
Польской народной республики. Часть 2

≈ 14 мин

Источник

Сегодня мы публикуем перевод заметки из польского троцкистского издания «**Władza Rad**» («Власть Советов»). Авторы утверждают: не слишком известная сегодня концепция «некапиталистического окружения», предложенная Розой Люксембург, актуальна, и это доказывается всем периодом существования социалистической системы. Не разделяя полностью такой позиции авторов и их тезисов о сохранении актуальности теории Люксембург, мы считаем, что некоторые аспекты этого текста могут быть интересны для наших читателей.

Редакция Lenin Crew

16.01.2019 г. на транслировавшемся в Фейсбуке собрании организации «Рабочая демократия», ассоциированной с британской SWP (Socialist Workers Party), доктор наук Филипп Ильковский высказал авторитетную оценку: **Роза Люксембург** ошиблась в нескольких вопросах, в том числе и в вопросе о т. н. некапиталистическом окружении.

Его честное слово против её «*Накопления капитала*».

А ведь в пользу тезиса Розы говорит голая действительность: стоит лишь не

закрывать глаза на неприкрытые факты.

После падения «реального социализма» правительства капиталистических стран начали поспешно отказываться от социальных обязательств — к неподдельному изумлению антисталинских демократических радикальных левых. Впрочем, из состояния этого изумления они не способны выйти по сей день, считая, что, по-видимому, произошло некое недоразумение, которое быстро разрешится — и всё вернётся к норме эпохи Холодной войны.

Одновременно капиталистическая система начала порождать кризисы, которые угрожающе напоминают те самые, из времён, близких Розе Люксембург. Решения, которые эта система находит, столь же угрожающе напоминают те, про которые та говорила и писала.

В минувшую эпоху т. н. Второй и Третий мир вносили, в т. ч. благодаря экономическому планированию, определённый порядок в международное капиталистическое разделение труда и предоставляли резерв ресурсов, делая возможным сокращение издержек функционирования капитализма. Каков бы ни был конфликт между двумя системами, экономические отношения между ними никогда не прекращались, а автономность «реального социализма» никогда не была полной. «Реальный социализм» постоянно функционировал будто бы в режиме экономических санкций, что способствовало существованию динамического дисбаланса во взаимоотношениях с более развитыми западными экономиками.

Неудачная попытка совершения социалистической революции в глобальном масштабе заставила СССР столкнуться с проблемой нестабильной

[niekonsekwentnej] изоляции своей экономики и, далее, приложить усилия для форсированной индустриализации. Это означало, что интенсивное развитие промышленности не поддерживалось при помощи внешних ресурсов, приток которых обычно нейтрализует прямые последствия такой политики для населения. Это имело определённые отрицательные последствия для общественных процессов и реализации демократических устремлений данного государства.

Тем не менее, после Второй мировой войны экономики стран, занимающих более периферийное положение, чем страны капитализма, действительно сокращали издержки капиталистической системы как таковой. Делали они это благодаря обмену на товары, вложение капитала в производство которых не было равно вложению в него рабочей силы [dzięki wymianie produktów o nierównym wkładzie kapitału w stosunku do siły roboczej]¹. Благодаря этому оказалось возможным несколько сдержать анархию капиталистического производства, а присущая ему расточительность была нивелирована за счёт периферийных рынков сбыта, поглощавших практически всё. Это как если бы кейнсианскую затею рыть и засыпать яму для сокращения безработицы и повышения спроса финансировал богатый дядя извне экономической системы. В этом-то и заключается роль «некапиталистического окружения». Издержки рационализации капитализма и амортизации кризисных факторов, порождаемых этой системой, могли уменьшаться за счёт собственных резервов Периферии, источником которых было разрушение её собственной некапиталистической среды в процессе включения этой среды в капиталистическую систему. Капитализм, в отличие от более сбалансированных традиционных² экономических систем, пользуясь ресурсами природы и общества, неотвратимо преобразует их в процессе этого

использования.

Основой эксплуатации некапиталистического окружения была возможность сокращения стоимости периферийной рабочей силы, цена которой устанавливалась ниже необходимой для поддержания жизни, что компенсировалось добавочным доходом из сферы сельского хозяйства: в Польше до самого конца «реального социализма» значительную долю рабочей силы составляли т. н. хлопороботники³. Механизм этот являлся основой, на которой зиждилось благополучие стран развитого Центра, был опорой его социальной политики, а тем самым — многолетнего общественного спокойствия.

Восстановление природных ресурсов требует колоссальных затрат. Вместе с исчерпанием на рубеже 1960-х и 1970-х годов XX века экстенсивных резервов экономики «реального социализма» исчерпались и возможности для продолжения прежней экономической политики, которая основывалась на использовании положения периферийного «некапиталистического окружения». Переход к интенсивным методам ведения хозяйства же был невозможен без дополнительных капиталовложений — конечно, при условии, что не меняется сама логика системы.

А эту логику не подвергали сомнению не только западные, но и отечественные⁴ радикальные левые (т. н. демократическая оппозиция), вышедшие из среды (пост)сталинской бюрократии. Более того, на пороге «трансформации»⁵ перестали высказывать возражения и официозные идеологические апологеты той самой бюрократии, которая ранее политически конфликтовала с

«демократической оппозицией» — идейными отщепенцами. На практике, однако, партийный идеологический аппарат сохранял полное согласие с (пост)сталинской бюрократией, которая «реалистически» видела залог оздоровления экономики во включении её в капиталистическую систему на компрадорских началах.

Падение «реального социализма» поспособствовало устранению основ «welfare state», а победа в гонке идеологий избавила буржуазию от утомительной необходимости создавать видимость заботы о т. н. «социалке».

Разумеется, восприятие отношений между миром капитализма и миром т. н. «реального социализма» с учётом понятия «некапиталистическое окружение» не может подойти польскому филиалу SWP, главный тезис которого гласит, что в Восточной Европе мы имели дело с «государственным капитализмом». Этот тезис служит оправданием для положительного отношения подавляющего большинства пост-троцкистских организаций к капиталистической трансформации в 90-х годах прошлого века. Эти организации по большей части остаются последовательными в своих взглядах, несмотря на то, что прошло время и кристаллизовались последствия процессов трансформации. Эта последовательность отражается в их отношении к «цветным революциям» и «Арабской весне», которые оценивают по аналогии с переменами в бывших странах Восточного блока (впрочем, те являлись своеобразным продолжением процесса).

Это следует главным образом из того, что клоны организаций пост-троцкистов в странах бывшего соцлагеря лишены собственного мнения, а оценку внутренней

обстановки им навязывает «материнская» партия, «восполняющая» пробелы в понимании конкретных реалий теоретическим догматизмом, выработанным в совершенно иных политических условиях. Традиционная опора на «заменитель» с типичной для него постановкой проблем (нравственно-культурных в противовес экономическим) не способствует корректировке «импортных» политических концепций, которые не соответствуют реальной обстановке. Оппортунизм дополняется свойственным «современному» мелкобуржуазному базису стремлением сделать личную карьеру, что не способствует желанию пойти против мейнстрима, хотя бы и «левого».

Если во время ПНР взгляд на страны Восточной Европы как на «госкап» ещё мог сохранять какую-то видимость истинности, то начало нового столетия принесло неприукрашенные факты, которые опровергли главный тезис и, как следствие, вытекающие из него оценки.

Фальшивая гипотеза повлекла за собой конкретные политические последствия: т. н. «новые левые» вместе с отщепенцами от троцкизма, прежде всего в США, посчитали, что капитализм превратился в посткапитализм. В связи с этим индустриальное общество, дескать, безвозвратно ушло в прошлое вместе с рабочим классом, который некогда являлся субъектом революционного рабочего движения.

Тем самым был проложен прямой маршрут к превращению ренегатов троцкизма в неоконсерваторов, обожествляющих институты «социального государства» — ограниченного на деле Первым миром, но притом поручающего этим институтам миссию «экспорта» западной модели демократии как рецепта, который

позволит повторить западный путь к процветанию. Как ни посмотри, эта теоретическая концепция — отражение, брат-близнец сталинского схематизма, негативно контрастирующий с основополагающей концепцией Розы Люксембург.

Отречение западных «новых левых» от рабочего движения в пользу «долгого похода через институты» буржуазного государства является по сути повторением старой реформистской политики, оказавшейся бессильной перед лицом сперва обеих мировых войн, а затем и наступления на социальные завоевания, достигнутые после Второй мировой. Политика социал-демократии (на позиции которой перешёл пост-троцкизм) постоянно обнажает свою вторичность и пассивность по сравнению с полными динамизма правыми силами. И всё это несмотря на воинственную риторику, нацеленную против правых.

Как выяснилось, в период Холодной войны антикоммунистические левые могли приписывать себе социальные успехи главным образом благодаря существованию «реальной» сталинской альтернативы в виде рабочего государства, пусть и деформированного, которое угрожало, несмотря на это, стать некой альтернативой капитализму.

Глубокий кризис, переживаемый социал-демократами вследствие поражения «реального социализма», может служить здесь вещественным доказательством.

В отличие от живших в XX веке академических левых интеллектуалов, пост-троцкистские организации не дошли до отрицания капиталистического

характера современных общественных отношений. Впрочем, этот тезис стал чуть менее привлекательным с тех пор, как правые начали гордо афишировать, что они ассоциируют себя с победоносной системой. Тем более, что крайне правые взялись за распространение броского лозунга о том, что, мол, дефекты капитализма порождаются остатками «социализма» в институтах буржуазного государства. Правые всерьёз приняли тезис о перерастании капитализма в посткапитализм, сиречь... вид социализма, воплощённого в институтах, например, Евросоюза.

«Финансиаризация» капиталистической экономики была механизмом отъёма прибавочной стоимости из стран широко понимаемой Периферии в пользу стран Центра. Перемещение промышленности завуалировало классовый антагонизм, который в странах Центра был сведён к уровню противоречий в рамках системы (неантагонистических) вокруг расширения и радикализации формальной демократии (т. е. не опирающейся в своей основе на отношения собственности на средства производства).

Устранение «некапиталистического окружения» немедленно ведёт к необходимости реиндустриализации экономик высокоразвитых стран. Конкуренция более не смягчается: теперь нет возможности её нейтрализовать благодаря существованию областей эксплуатации, достаточно обширных для того, чтобы их хватило для удовлетворения амбиций всех либо почти всех конкурентов.

Реиндустриализация доказывает несостоятельность тезисов о якобы коренном изменении капитализма со времён Маркса и Розы Люксембург. Это явление

также снова делает актуальной теорию Маркса о сущности капиталистической эксплуатации, скрытой в отношениях материального производства.

Организация, которую представляет Филипп Ильковский, придерживается мнения, что в теории К. Маркса, когда тот описывает производственные отношения, идёт речь обо всех наёмных работниках, а не о промышленных рабочих в первую очередь⁶. К принятию данного тезиса склоняются почти все левые организации. Эта поправка к концепции Маркса позволила троцкистам обосновать подмену своей социальной базы в неблагоприятных условиях довоенного и послевоенного периодов. Следствием этого стало политическое размывание марксизма, что-то вроде переноса политической борьбы из области базиса, т. е. производственной, в область надстройки, где речь ведётся о распределении прибавочной стоимости при умолчании о способе её создания.

Таким образом, отказ от теории Маркса имеет политические последствия. На практике они проявляются в неспособности левых радикалов определить своё отношение к общественным движениям, порождённым действительным изменением экономическо-политической ситуации. Если раньше они отрицали коренное изменение обстановки вследствие создания СССР, то сейчас точно так же не умеют логически обосновать сегодняшних перемен. С их перспективы динамика актуальных процессов кажется неуловимой.

Лучшее тому доказательство — выжидательная позиция этих левых по отношению к французскому движению «Жёлтых жилетов», которое с трудом можно соотнести с очередной «цветной революцией» и которое в то же время является движением спонтанным и идёт снизу. Это движение смущает левых,

поскольку отрицает демократизм системы развитого капитализма, т. е. опрокидывает стратегию экспорта демократии, а следовательно, — и стратегию «новых левых»⁷ .

Трудно поэтому ожидать от радикальных левых, чтобы они в один голос поддержали «Жёлтые жилеты» хотя бы с тем же энтузиазмом, с каким увлекались они «Арабской весной».

Из-за окостенения леворадикальных концепций в догматическую, «единственно правильную» форму эта политическая сила не способна к реалистическому анализу общественной, политической и экономической действительности. Они в окопах примитивного противопоставления «демократия либо фашизм», и оттого у них не остаётся места для того, чтобы принять движение, которое, сомневаясь в системной демократии, могло бы одновременно составить ей некую альтернативу.

Ибо для пост-троцкистов не существует альтернативы противопоставлению «демократия-фашизм». Разбор демократии по частям сразу же грозит обвинениями в «ленинском авторитаризме». «Новые левые» исключают из своего аналитического горизонта всю реальность, не подходящую к их идеологической перспективе, разработанной в период Холодной войны.

Употребляемый Розой Люксембург термин «крах капитализма» тоже не пришёлся по вкусу Филиппу Ильковскому, предпочитающему осторожно утверждать, что капитализм переживает структурный кризис. Не первый и не последний...

Могло ли получиться? Очерк общественной истории
Польской народной республики. Часть 2

В связи с этим разногласием можем сказать, что радикальные левые не переживают кризис: они переживают крах. А если точнее, имеют большие шансы этого краха не пережить.

18.01.2019 г.

Нашли ошибку? Выделите фрагмент текста и нажмите Ctrl+Enter.

Примечания

1. Прим. пер.: при производстве которых рабочая сила оплачивалась ниже её стоимости (стоимостью рабочей силы здесь считается таковая в капиталистических странах). ↩
2. Прим. пер.: докапиталистических. ↩
3. Прим. пер.: полупролетарии. ↩
4. Прим. пер.: польские. ↩
5. Прим. пер.: капиталистической контрреволюции 1989 года. ↩
6. Прим. редакции LC: мы также считаем данный тезис верным. ↩
7. Прим. редакции LC: не поддерживая оппортунистов в их положительной оценке «цветных революций», мы не можем согласиться и с оптимистичной оценкой

Могло ли получиться? Очерк общественной истории
Польской народной республики. Часть 2

авторами «Жёлтых жилетов» (на начало 2019 года): несмотря на то, что это, по-видимому, действительно была низовая инициатива, отношения к социалистическим преобразованиям она изначально не имела. ↩